

О РОСТЕ ЧИСЛА СТУДЕНТОВ КАК ВОЗМОЖНОМ ФАКТОРЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ*

*Л. Е. Гринин, С. В. Малыженков,
С. Э. Билюга, А. В. Коротаев*

Имеются достаточные основания ожидать, что увеличение доли студентов в общей численности населения может сопровождаться определенной социально-политической дестабилизацией. Однако эмпирической проверки данного теоретического допущения вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось. Такая эмпирическая проверка приведена в этой статье. И данное теоретическое ожидание совсем неплохо подтвердилось. Наше исследование доказало, что студентов как социально-возрастную группу можно рассматривать в некоторых отношениях как важный фактор дестабилизации. Продемонстрировано наличие статистически значимых положительных корреляций между долей студентов в общей численности населения страны и такими важными индикаторами социально-политической дестабилизации, как интенсивность политических забастовок, массовых беспорядков и особенно антиправительственных демонстраций. При этом особенно сильная положительная корреляция наблюдается при подецильном анализе между долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций. Существенная разница в корреляции между долей студентов и интенсивностью массовых беспорядков, с одной сторо-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00464).

ны, и долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций – с другой (с преимуществом в силе корреляции в сторону антиправительственных демонстраций), объясняется в определенной степени гендерным фактором. Дело в том, что рост числа студенток, который начинается на определенном этапе развития страны и системы образования в ней, не способствует росту интенсивности массовых беспорядков, но зато способствует росту интенсивности антиправительственных демонстраций. Вместе с тем не менее важным представляется отсутствие статистически значимой корреляции между долей студентов в общей численности населения и такими индикаторами социально-политической дестабилизации, как интенсивность политических убийств и крупных терактов/«партизанских действий». Таким образом, высокая доля студентов в населении коррелирует с повышенным уровнем именно массовой дестабилизации (и при этом особенно с повышенным уровнем массовой ненасильственной дестабилизации). В то же время выяснилось, что рост числа студентов может быть не только дестабилизирующим, но и в некоторых отношениях стабилизирующим фактором. Выяснилось, что между долей студентов в населении наблюдается не положительная, а отрицательная корреляция с интенсивностью переворотов и попыток переворотов, так как наличие большого числа студентов в стране будет не способствовать проведению государственных переворотов, а осложнять их. Таким образом, если высокая доля студентов в населении содействует развитию массовой социально-политической дестабилизации, то возможность реализации такой классической элитарной формы смены власти, как государственный переворот, она скорее затрудняет.

Многие исследователи уже обращали внимание на то, что студенты могут выступать в качестве мощной социально-политической дестабилизирующей силы.

Ряд исследователей отмечает, что студенты являются уникальной социальной группой, чье мировоззрение формируется двумя основными совокупностями факторов: во-первых, психофизиологическими особенностями молодого индивида, находящегося в пе-

реходном периоде (Altbach 1970), во-вторых, качествами, которые индивид приобретает в университете: критическое мышление, широкий кругозор и т. п. (Fields 1969). Немаловажным является то, что в студенческой среде существуют некоторые тенденции, определяющие предрасположенность к участию в протестах. В первую очередь наиболее предрасположенными к участию в протестных акциях являются студенты, обучающиеся гуманитарным наукам (Пустошинская 2010). Кроме того, наиболее подверженными радикальным идеям являются студенты начальных курсов, а также иногородние студенты (Altbach 1970)¹.

С точки зрения социального положения студентов как особой социальной группы важно отметить, что в студенчестве особым образом соединяются качества, присущие разным социальным классам и группам, которые являются достаточно активными в плане социальных протестов. Во-первых, студентов можно рассматривать как особый отряд интеллигенции. Интеллигенция, как известно, это социальная группа, склонная к более критическому взгляду на действия правительства и социальные язвы и пороки в обществе. Это особенно относится к гуманитарной интеллигенции (см. выше). Интеллигенция имеет широкий кругозор, базовые знания и навыки анализа, рассматривает себя как слой, выполняющий в обществе интеллектуальные функции, и считает себя нередко «совестью нации». Интеллигенция, особенно в развивающихся странах и в обществах, где население малограмотно, также нередко присваивает себе мессианские функции. Специфика студенчества в том, что оно выступает как своего рода ударный отряд интеллигенции, как неофиты, иногда прямо подстегиваемые преподавателями. Во-вторых, у студенчества есть качество, кото-

¹ Классифицируя требования, выдвигаемые студенческими организациями, можно выделить «образовательные» – требования обеспечить более качественные условия обучения, «национальные» – требования решить различные внутригосударственные проблемы (такие как коррупция, безработица, расовая дискриминация и т. д.) и «международные» (пацифизм, вопросы холодной войны и т. п.). Иногда бывают и материальные требования, связанные с уменьшением платы за обучение или увеличением стипендий. Стоит отметить, что ряд исследователей обращали свое внимание на некоторую «нелогичность» в выдвигаемых требованиях. Например, британские студенты выступали против войны во Вьетнаме, хотя сама Великобритания в ней не участвовала (Thomas 2002), а африканские студенты выдвигали «международные требования» тем чаще, чем социально-экономическая ситуация внутри стран становилась хуже (Nkinyangi 1991).

рое роднит его с пролетариатом, а именно – концентрация. В университетах и высших учебных заведениях вместе собираются тысячи и десятки тысяч учащихся, которые также нередко живут в кампусах. Соответственно, организация всякого рода протестов существенно облегчается. Сказанное может усилиться, если возникает объединение студентов по этноязыковым, религиозным или расовым признакам, в случае если протесты идут именно по линии этих признаков.

Наконец, отметим, что студенты в качестве молодой и образованной части населения склонны к использованию новых форм агитации, пропаганды, коммуникации и организации, что нередко дополнительно усиливает протесты и их влияние. В какой-то мере у студенчества есть и другое качество, присущее пролетариату и даже люмпен-пролетариату (последний в революционной теории и практике порой обозначался как наиболее радикальный элемент). Речь идет не только о молодом (возрастном) бунтарстве (см. выше), но и о готовности к самопожертвованию ради идеи, а также о том, что, подобно пролетариям и люмпен-пролетариям, студентам часто нечего терять – они не обременены семьей (обычно), собственностью, должностями и т. п. Словом, им легче рисковать. Наконец, большое, если не основное, число студентов – это мигранты. А мигранты обладают достаточно большими дестабилизирующими потенциями (Пустошинская 2010).

Суммируя все это, можно сделать вывод, что по своим возрастным и социальным характеристикам студенты объективно являются весьма горючим материалом, способным стать запалом для всякого рода протестных и дестабилизационных акций, а также одним из активных отрядов революции.

При этом обращалось внимание на то, что небольшое, но сплоченное ядро радикалов из студенческой среды способно привлечь к протестным акциям большое количество демонстрантов. Зачастую это удается сделать путем проникновения в различные студенческие организации (Там же). Так, в 1967 г. в ходе протестов в Лондонской школе экономики (LSE) 50 студентов-активистов левого толка смогли привлечь на свою сторону около 35 тысяч участников (Levin 1970).

Особое значение для развития протестного потенциала в студенческой среде имеют последствия произошедших в обществе крупных социальных сдвигов (Рожков 1999). Так, для студенческого движения в России 1887–1891 гг. подобным социальным сдвигом послужили реформы Александра II (Ротмистров 2009), для европейских студентов 1960–1970-х гг. – Вторая мировая война (Thomas 2002), а для студентов Субсахарского региона 1970–1980-х гг. – национально-освободительное движение африканских стран (Nkinyangi 1991). Данные события способствовали переосмыслению устоявшихся нравов, изменению концепции детского воспитания на более «дозволительную» (Parkin 1968), а также притоку в университетские круги более широких слоев населения, в частности представителей семей рабочего класса (Rooke 1971).

Отмечается, что студенческие протесты могут возникать и при благоприятной обстановке в стране под влиянием тех или иных событий: протестные движения студентов в других странах вызывают цепную реакцию, что побуждает местное студенчество искать повод для протестов (см.: Thomas 2002)².

Таким образом, имеются достаточные основания ожидать, что увеличение доли студентов в общей численности населения может сопровождаться определенной социально-политической дестабилизацией. Однако эмпирической проверки данного теоретического допущения вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось. Такая эмпирическая проверка будет приведена в данной статье.

Тесты

Проведенный нами корреляционный анализ дал следующие результаты (см. Таблицу на с. 88).

² Несмотря на наличие некоторого деструктивного элемента в студенческих протестах, необходимо отметить и созидательную сторону данного процесса: для ряда стран Африканского континента постколониального периода студенческие движения стали одним из ключевых факторов в формировании национальной политики (Gellar 1982). Кроме того, многие государственные лидеры (Кения, Мали, Малави, ЮАР, Гана) и руководители партий (европейские зеленые) были интегрированными в легальное политическое пространство выходцами из студенческих протестных движений (Nkinyangi 1991; Слинко и др. 2009).

Корреляции между долей студентов в населении (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1970–2015 гг.

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	-0,008	0,583
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,064***	<< 0,001
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,004	0,764
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,035*	0,015
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,049***	0,001
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,056***	<< 0,001
7. Революции и попытки революций (<i>Revolutions</i>)	-0,101***	<< 0,001
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,142***	<< 0,001
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,004	0,785

* корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.

** корреляция значима на уровне $< 0,01$.

*** корреляция значима на уровне $< 0,001$.

Как мы видим, в шести из девяти проведенных тестов корреляция оказалась значима: в двух случаях – в отрицательном направлении, в четырех – в предсказанном направлении (чем выше доля студентов в населении, тем выше уровень социально-политической дестабилизации). При этом в пяти из шести значимых корреляций статистическая значимость исключительно высока ($p < 0,001$). Для политических убийств, «партизанских действий» и агрегированного индекса социально-политической дестабилизации статистически значимой корреляции не наблюдается.

Отметим, что положительные корреляции с очень высокой значимостью ($p < 0,001$) наблюдаются применительно к политическим забастовкам, массовым беспорядкам и антиправительственным демонстрациям. Примечательно, что во всех этих случаях речь идет о

массовой социально-политической дестабилизации, то есть таких типах дестабилизации, для которых характерно участие широких слоев населения. Такие результаты достаточно логичны, ибо повышенная доля студентов в населении имеет тенденцию влиять именно на массовое недовольство, затрагивая социальные элиты в несравненно меньшей степени, чем широкие народные массы. Заметно меньшую корреляцию демонстрирует такая форма социально-политической дестабилизации, как правительственные кризисы, однако стоит учитывать неочевидную природу получения данного показателя (см. *Приложение*).

Таким образом, доля студентов в населении является статистически значимым предиктором всех индикаторов массовой социально-политической дестабилизации – массовых беспорядков, политических забастовок и антиправительственных демонстраций протеста.

Не представляется случайным, что между долей студентов в населении наблюдается не положительная, а отрицательная корреляция с интенсивностью переворотов и попыток переворотов, так как наличие большого числа студентов в стране будет не облегчать, а осложнять проведение государственных переворотов. Таким образом, если высокая доля студентов в населении способствует развитию массовой социально-политической дестабилизации, то возможность реализации такой классической элитарной формы смены власти, как государственный переворот, она скорее затрудняет.

Особенно сильная корреляция здесь отмечается, если мы в качестве единицы наблюдения начинаем рассматривать не отдельные страны, а группы стран, выделяемые по доле студентов в населении. Ниже все страны мира анализируются после их подразделения на десять подгрупп (децилей), при этом в нижнюю подгруппу (нижний дециль) входят 10 % страно-лет с наиболее низкой долей студентов в населении, в верхнюю подгруппу (верхний дециль) – 10 % страно-лет с самой высокой долей студентов в населении, в восемь промежуточных децилей – страно-годы с промежуточными значениями. Подецильная корреляция между долей студентов

в населении и интенсивностью массовых беспорядков дает при этом следующие результаты (см. Рис. 1).

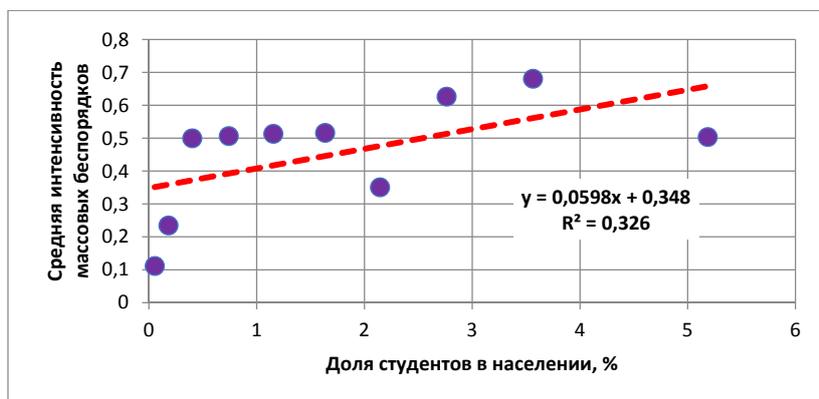

Рис. 1. Подецильная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью массовых беспорядков, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)³

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,571$, $R^2 = 0,326$, $p = 0,043$ (односторонний тест значимости).

Отметим, что при подецильном анализе корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью массовых беспорядков оказывается достаточно сильной. Если в 10 % стран-лет с самой низкой долей студентов массовые беспорядки фиксируются в среднем раз в 10 лет, то в 10 % стран-лет с самой высокой долей студентов они уже в среднем наблюдаются раз в 2 года. В целом же доля студентов в населении объясняет почти треть дисперсии интенсивности массовых беспорядков по децилям.

Особенно же сильная положительная корреляция наблюдается при подецильном анализе между долей студентов в населении

³ В этом и следующих (Рис. 2–3) случаях использовались данные границы децилей: 1-й дециль: < 0,107 %; 2-й дециль: 0,107–0,273 %; 3-й дециль: 0,273–0,54 %; 4-й дециль: 0,54–0,945 %; 5-й дециль: 0,945–1,4 %; 6-й дециль: 1,4–1,89 %; 7-й дециль: 1,89–2,42 %; 8-й дециль: 2,42–3,13 %; 9-й дециль: 3,13–4,14 %; 10-й дециль: > 4,14 %. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страна-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 2).

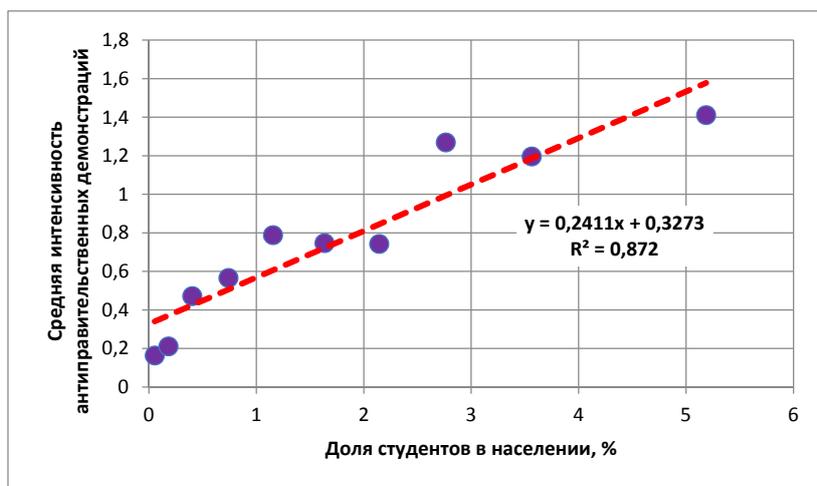

Рис. 2. Подецильная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,934$, $R^2 = 0,872$, $p \ll 0,001$ (односторонний тест значимости).

Как мы видим, при подецильном анализе корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций оказывается откровенно сильной ($r = 0,934$). Если в 10 % страно-лет с самой низкой долей студентов массовые беспорядки фиксируются в среднем менее чем раз в 5 лет, то в 10 % страно-лет с самой высокой долей студентов в среднем наблюдается заметно более одной демонстрации каждый год. В целом же доля студентов в населении объясняет почти 90 % дисперсии интенсивности антиправительственных демонстраций по децилям.

Значительно усиливается при подецильном анализе и отрицательная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью государственных переворотов и их попыток (см. Рис. 3).

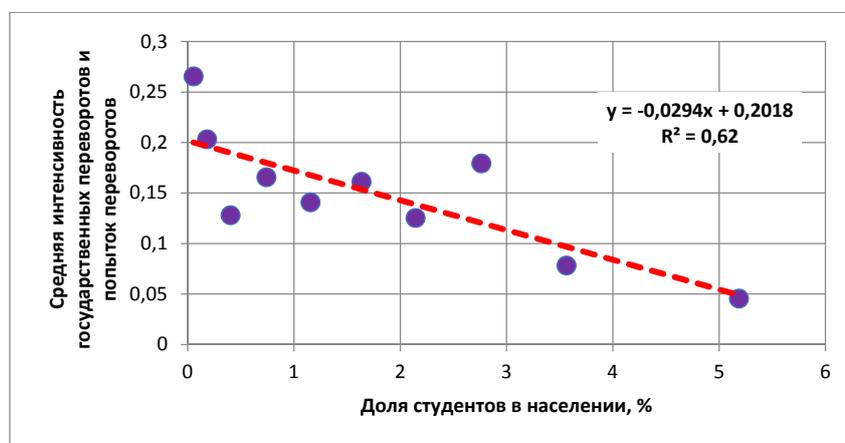

Рис. 3. Подецильная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью переворотов и попыток переворотов, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,787$, $R^2 = 0,62$, $p = 0,0035$ (односторонний тест значимости).

Таким образом, при подецильном анализе корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью государственных переворотов и попыток переворотов оказывается откровенно сильной ($r = 0,787$). Если в 10 % страно-лет с самым низким значением доли студентов в населении государственные перевороты и попытки переворотов фиксируются в среднем каждые четыре года, то в 10 % страно-лет с самым высоким значением доли студентов в населении в среднем наблюдается не более одного переворота (или его попытки) каждые 20 лет. В целом же доля студентов в населении объясняет более 60 % дисперсии интенсивности государственных переворотов и попыток переворотов по децилям.

Примечательно, что достаточно разные корреляции наблюдаются при разделении студентов по половому признаку: доля студентов-мужчин в населении коррелирует с различными индексами социально-политической дестабилизации совсем не так, как доля студентов-женщин.

Так, доля студентов-мужчин в общей численности населения почти в два раза сильнее коррелирует⁴ с интенсивностью массовых беспорядков, чем доля студентов вообще (см. Рис. 4).

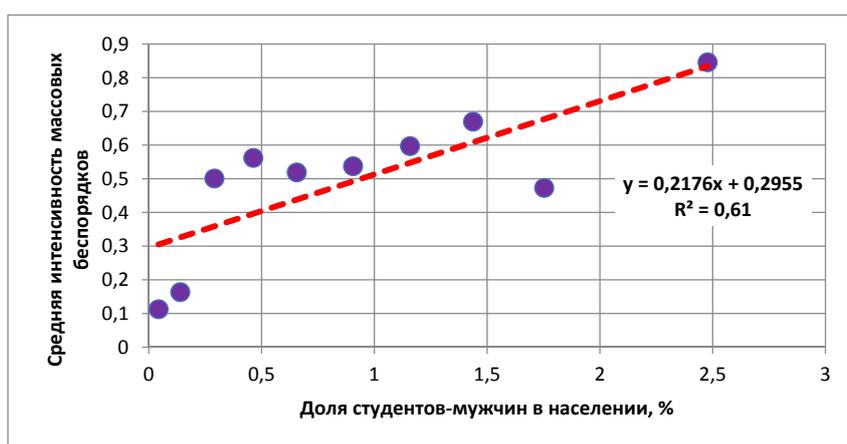

Рис. 4. Подецильная корреляция между долей студентов-мужчин в населении и интенсивностью массовых беспорядков, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)⁵

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,781$, $R^2 = 0,61$, $p = 0,004$ (односторонний тест значимости).

Нельзя не увидеть, что при подецильном анализе корреляция между долей студентов мужского пола в населении и интенсивностью мас-

⁴ При измерении силы корреляции через коэффициент детерминации.

⁵ В этом случае использовались следующие границы децилей: 1-й дециль: < 0,0816 %; 2-й дециль: 0,0816–0,204 %; 3-й дециль: 0,204–0,376 %; 4-й дециль: 0,376–0,555 %; 5-й дециль: 0,555–0,778 %; 6-й дециль: 0,778–1,03 %; 7-й дециль: 1,03–1,31 %; 8-й дециль: 1,31–1,58 %; 9-й дециль: 1,58–1,98 %; 10-й дециль: > 1,98 %. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страна-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

совых беспорядков оказывается откровенно сильной ($r = 0,781$) в отличие от того, что наблюдалось для доли студентов обоих полов, где корреляция была скорее средней по силе (см. выше Рис. 1). Если в 10 % страно-лет с самым низким значением доли студентов-мужчин в населении массовые беспорядки фиксируются в среднем примерно один раз в 10 лет, то в 10 % страно-лет с самым высоким значением доли студентов-мужчин в населении беспорядки в среднем наблюдаются практически каждый год. В целом же доля студентов-мужчин в населении объясняет более 60 % дисперсии интенсивности массовых беспорядков по децилям (доля же студентов обоих полов объясняла только около 30 %).

Корреляция же между долей студентов женского пола и интенсивностью массовых беспорядков оказывается предсказуемым образом заметно более слабой и при этом статистически незначимой (см. Рис. 5).

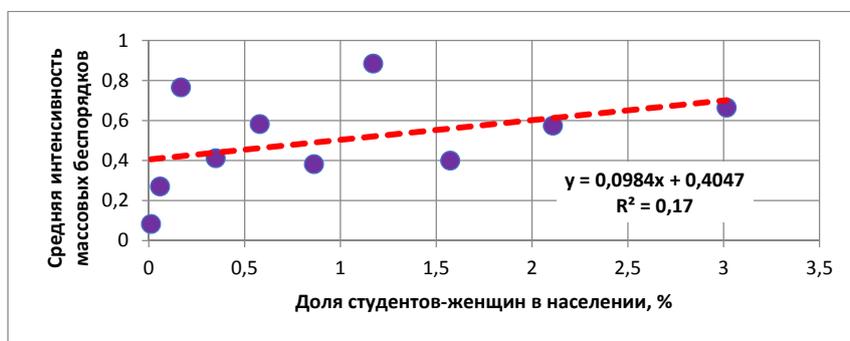

Рис. 5. Подецильная корреляция между долей студентов-женщин в населении и интенсивностью массовых беспорядков, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)⁶

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,412$, $R^2 = 0,17$, $p = 0,122$ (односторонний тест значимости).

⁶ В этом случае использовались следующие границы децилей: 1-й дециль: $< 0,0265$ %; 2-й дециль: $0,0265-0,102$ %; 3-й дециль: $0,102-0,252$ %; 4-й дециль: $0,252-0,45$ %; 5-й дециль: $0,45-0,719$ %; 6-й дециль: $0,719-1,01$ %; 7-й дециль: $1,01-1,35$ %; 8-й дециль: $1,35-1,81$ %; 9-й дециль: $1,81-2,47$ %; 10-й дециль: $> 2,47$ %. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страно-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

Как мы видим, при подецильном анализе корреляция между долей студентов женского пола в населении и интенсивностью массовых беспорядков оказывается слабой ($r = 0,412$) и статистически незначимой ($p > 0,12$).

Зато доля студентов-женщин демонстрирует вполне статистически значимую и сильную корреляцию с интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 6).

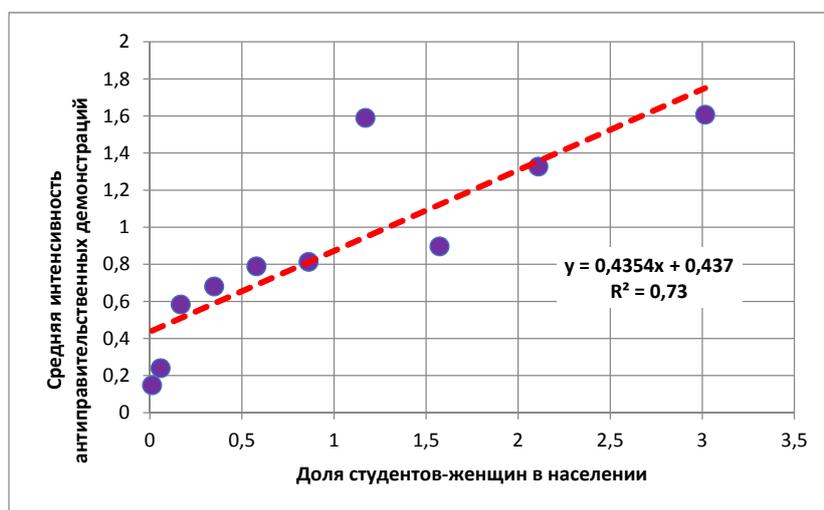

Рис. 6. Подецильная корреляция между долей студентов-женщин в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)⁷

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,854$, $R^2 = 0,73$, $p \ll 0,001$ (односторонний тест значимости).

⁷ В этом и следующих случаях использовались данные границы децилей: 1-й дециль: $< 0,0265\%$; 2-й дециль: $0,0265-0,102\%$; 3-й дециль: $0,102-0,252\%$; 4-й дециль: $0,252-0,45\%$; 5-й дециль: $0,45-0,719\%$; 6-й дециль: $0,719-1,01\%$; 7-й дециль: $1,01-1,35\%$; 8-й дециль: $1,35-1,81\%$; 9-й дециль: $1,81-2,47\%$; 10-й дециль: $> 2,47\%$. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страно-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

Выводы

Многие исследователи отмечали: имеются достаточные основания ожидать, что увеличение доли студентов в общей численности населения может сопровождаться определенной социально-политической дестабилизацией. Однако эмпирической проверки данного теоретического допущения вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось. Такая эмпирическая проверка была приведена в настоящей статье. И данное теоретическое ожидание совсем неплохо подтвердилось. Наше исследование доказало, что студентов как социально-возрастную группу можно считать в некоторых отношениях важным фактором дестабилизации. Было продемонстрировано наличие статистически значимых положительных корреляций между долей студентов в общей численности населения страны и такими важными индикаторами социально-политической дестабилизации, как интенсивность политических забастовок, массовых беспорядков и особенно антиправительственных демонстраций. Наиболее сильными эти корреляции оказываются при подецильном анализе. Так, интенсивность массовых беспорядков возрастает от первого до последнего дециля в пять раз (если в 10 % страно-лет с самой низкой долей студентов массовые беспорядки фиксируются в среднем раз в 10 лет, то в 10 % страно-лет с самой высокой долей студентов они уже в среднем наблюдаются раз в 2 года) при коэффициенте детерминации, превышающем 30 %. Но особенно сильная положительная корреляция наблюдается при подецильном анализе между долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций.

Существенная разница в корреляции между долей студентов и интенсивностью массовых беспорядков, с одной стороны, и долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций – с другой (с преимуществом в силе корреляции в сторону антиправительственных демонстраций), объясняется в определенной степени гендерным фактором. Дело в том, что рост числа студенток, который начинается на определенном этапе развития страны и системы образования в ней, не способствует росту ин-

тенсивности массовых беспорядков, но зато способствует росту интенсивности антиправительственных демонстраций.

Вместе с тем не менее важным представляется отсутствие статистически значимой корреляции между долей студентов в общей численности населения и такими индикаторами социально-политической дестабилизации, как интенсивность политических убийств и крупных терактов/«партизанских действий». Таким образом, высокая доля студентов в населении коррелирует с повышенным уровнем именно массовой дестабилизации (и при этом особенно с повышенным уровнем массовой ненасильственной дестабилизации).

В то же время выяснилось, что рост числа студентов может быть не только дестабилизирующим, но и в некоторых отношениях стабилизирующим фактором. Обнаружилось, что между долей студентов в населении наблюдается не положительная, а отрицательная корреляция с интенсивностью переворотов и попыток переворотов, так как наличие большого числа студентов в стране будет не облегчать, а осложнять проведение государственных переворотов. Таким образом, если высокая доля студентов в населении способствует развитию массовой социально-политической дестабилизации, то возможность реализации такой классической элитарной формы смены власти, как государственный переворот, она скорее затрудняет. Особенно сильная корреляция здесь наблюдается, если мы в качестве единицы наблюдения начинаем рассматривать не отдельные страны, а группы стран, выделяемые по доле студентов в населении.

Приложение. Использованные материалы

Для тестирования гипотезы о доле студентов в населении как статистически значимом факторе социально-политической дестабилизации в качестве независимой переменной нами был выбран показатель UNESCO «количество студентов» (UNESCO 2017), деленный на численность населения в той или иной стране с 1970 по 2014 г. (The 2015 Revision... 2016). В качестве зависимой переменной была взята система показателей социально-политической де-

стабилизации базы данных *CNTS* (описание и методологию *Cross National Time Series [CNTS]* см. выше: Хохлова, Коротаев, Цирель 2017: 37–82).

Библиография

- Пустошинская О. С. 2010.** Социально-демографические основы студенческого политического протеста. *Альманах современной науки и образования* 5: 124–127.
- Рожков А. Ю. 1999.** Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение. *Социологические исследования* 7: 107–114.
- Ротмистров А. Н. 2009.** Сравнительный анализ факторов студенческого протестного движения в России на рубеже XIX–XX веков и в начале XXI века. *Высшее образование сегодня* 1: 36–41.
- Слинько А. А., Сальников В. И., Дмитриева С. И. 2009.** Студенчество в Европе: между реформой и протестом. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования»* 2: 127–132.
- Хохлова А. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017.** Безработица и социально-политическая дестабилизация в странах Западной и Восточной Европы: опыт количественного анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, Л. М. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 37–82.
- Altbach P. G. 1970.** Students and Politics. *Protest, Reform, and Revolt: A Reader in Social Movements*. New York. Pp. 225–244.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2017.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Databanks International. Jerusalem, Israel. URL: <https://www.cntsdata.com>.
- Fields A. B. 1969.** *The Revolution Betrayed: the French Student Revolt of May – June 1968, Students in Revolt*. Boston: Houghton Mifflin.
- Gellar S. 1982.** *Senegal: an African Nation between Islam and the West*. Boulder: Westview Press.
- Levin B. 1970.** *The Pendulum Years: Britain and the 60s*. London: Jonathan Cape.
- Nkinyangi J. A. 1991.** Student Protests in Sub-Saharan Africa. *Higher Education* 22(2): 157–173.

- Parkin F. 1968.** *Middle Class Radicalism: The Social Bases of the British Campaign for Nuclear Disarmament*. Manchester: Manchester University Press.
- Rooke M. A. 1971.** *Anarchy and Apathy: Student Unrest: 1968–70*. London: Hamish Hamilton.
- The 2015 Revision of World Population Prospects. 2016.** *United Nations Population Division*. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>.
- Thomas N. 2002.** Challenging Myths of the 1960s: the Case of Student Protest in Britain. *Twentieth Century British History* 13(3): 277–297.
- UNESCO. 2017.** *UNESCO Institute for Statistics. Enrolment in Tertiary Education, All Programmes, Both Sexes (Numbers)*. URL: <http://www.data.uis.unesco.org/>.